

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (КБНЦ РАН)
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

На правах рукописи

Жерештиев Анзор Адальбиевич

**Роль горского словесного суда в социально-
экономической жизни Нальчикского округа**

направление 46.06.01 – Исторические науки и археология

специальность 07.00.02 – Отечественная история

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

Нальчик-2018

Работа выполнена на кафедре отечественной истории и этнологии Научно-образовательного центра КБНЦ РАН.

Научный руководитель:

Прасолов Дмитрий Николаевич
кандидат исторических наук

Рецензенты:

Маремкулов Арсен Нажмудинович
доктор юридических наук,
кандидат исторических наук

Дышеков Мурат Владимирович
кандидат исторических наук

Общая характеристика работы

Актуальность темы. В науке истории права и государства остаются актуальными такие теоретические проблемы, как особенности построения судебной системы на Северном Кавказе и, в частности, вопросы функционирования Горских словесных судов, в частности Нальчикского. Исследование актуально с точки зрения не только науки, но и практики. На современном этапе совершенно очевидна роль обычного права у народов Северного Кавказа. Именно в северокавказском регионе его регулятивная роль остается весьма значимой в регулировании общественных отношений. Появилась необходимость его основательного изучения с целью использования институтов обычного права на практике. Совершенствование судебной системы во все времена являлось одним из приоритетных направлений деятельности государства. В определенной степени суд является показателем государства, его проводником в проводимых социально-экономических и политических реформах.

Результатом реформы 1864 г. стало появление новых институтов, новой структуры судебной системы, а также ряда норм, регламентирующих деятельность судов, ответственность лиц судебного ведомства за совершение проступков дисциплинарного характера, право судов на создание внутренних управленческих актов. Анализ проведения судебной реформы в различных регионах Российской империи позволяет выявить как общие, так и особенные черты реализации ее основных положений. В этом плане интересно обратиться к опыту судебного реформирования Нальчикского округа, в частности появления горских словесных судов.

Степень научной разработанности проблемы исследования.

Оценивая историографию по данной теме, следует признать, что в целом она складывалась неравномерно. На разных этапах можно наблюдать как повышенный интерес к этому вопросу, так и достаточно сдержанное

отношение к вопросам судоустройства и судопроизводства на Северном Кавказе в пореформенный период.

Дореволюционный период характеризуется прежде всего накоплением фактического материала. В этом ракурсе особый интерес представляют работы, направленные на изучение обычного права горцев. Как показывает практика, такой подход был совершенно не случаен. Особое внимание обычному праву уделялось с точки зрения не только научного интереса, но в первую очередь как одного из элементов судопроизводства новых судебных органов. Исследования этого периода интересны также тем, что их авторы современники исследуемых событий, что придает особую значимость их оценке с позиции объективности донесения материала.

В период 20 - 50-х годов XX в. вопросы судебных преобразований у народов Северного Кавказа мало исследовались. Со второй половины XX в. интерес к изучению судебной реформы на Северном Кавказе несколько вырос.

В период с 1956 по 1966 г. были изданы работы С. Д. Кулова, Т. Х. Кумыкова, М. Р. Магомедова, В. П. Невской, Х. М. Хашаева, затрагивающие вопросы как судоустройства и судопроизводства народов Северного Кавказа в дореформенный период, так и реализации судебной реформы в регионе. Деятельность Горского словесного суда в социально-экономической жизни Нальчикского округа отражается в научных работах А. Х. Абазова, И. Л. Бабич, Х. М. Думанова, М. В. Дышекова, М. А. Исмаилова, Ю. М. Кетова, Г. Н. Малаховой, В. Н. Мальцева, А. Н. Маремкулова, Д. Х. Сайдумова, А. А. Сотникова, А. Т. Урушадзе, Д. Ю. Шапсугова и др. Указанному вопросу также посвящены диссертационные исследования М.С. Арсанукаевой, И. Г. Гайдабура, А. Д. Дзидзоева, И. В. Зозуля, Т. Б. Светличной, А. А. Сотникова, А. К. Халифаевой.

Объектом исследования являются процессы становления и развития горских словесных судов. А **предметом** – деятельность Нальчикского горского словесного суда.

Цель работы. Исходя из актуальности данной темы целью исследования является рассмотрение условий возникновения, механизма формирования и деятельности Нальчикского Горского словесного суда.

Для реализации цели и научной задачи в диссертации были поставлены и решены следующие **исследовательские задачи**:

- проанализировать историю создания, структуру, особенности и принципы функционирования Нальчикского Горского словесного суда;

- выявить правовые основания деятельности Горского словесного суда;

- исследовать процесс регулирования социально-экономических отношений;

- рассмотреть отношение жителей Нальчикского округа к деятельности Горского словесного суда и его роль в жизни местного населения.

Географические рамки исследования охватывают территорию Северо-Западного Кавказа конца XIX – начала XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают 1871 -1917гг. Нижняя хронологическая граница- время создания Нальчикского Горского словесного суда. Верхняя хронологическая граница отражает завершение деятельности Нальчикского Горского словесного суда в системе судебной власти Российской империи.

Методологическая основа исследования. При решении поставленных задач были использованы современные методы познания выявленные и разработанные юридической наукой. В ходе исследования применялись

системный, структурно-функциональный, исторический, сравнительно-правовой и другие методы.

Примененный историко-описательный метод позволил проанализировать некоторые теоретические положения, изложенные в работах дореволюционных исследователей. Все примененные в работе методы позволили сделать выводы, способствовавшие выявлению своеобразных особенностей формирования, законодательного закрепления и осуществления механизма функционирования судебной системы в Нальчикском округе. Применение представленной методологии дает возможность детального осмысления особенностей возникновения и развития права и организации суда.

Источниковая база. Основная информация по данной тематике была извлечена из фондов Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (Далее.- ЦГА КБР) (Ф. И-2 «Управление кабардинского округа», Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа», Ф. И-22 «Нальчикский Горский словесный суд», Ф. И-23 «Кабардинский временный суд», Ф. И-24 «Кабардинский окружной народный суд»), научного архива Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Ф. 1 «История Кабарды в дореволюционный период», Ф. 10 «Этнография кабардинцев и балкарцев»), Центрального государственного архива республики Северная Осетия-Алания (Ф.12 «Канцелярия Начальника Терской области»; Ф. 113 «Владикавказский окружной суд») Ф. 280 «Судебный следователь Владикавказского окружного суда»). Особое место в формировании источниковой базы исследования заняли архивные материалы Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (г. Нальчик) (Ф. 1 «История Кабарды в дореволюционный период», Ф. 10 «Этнография кабардинцев и балкарцев»).

Большой материал содержит 16 том «Антологии памятников права народов Кавказа», под редакцией Шапсугова Д.Ю., а именно документы по деятельности Нальчикского горского словесного суда, сельских (аульных) и третейских (посреднических) судов Нальчикского (Георгиевского) округа Терской области.

Также можно отметить сборник «Этюды о Балкарии», под редакцией Биттировой Т.Ш. содержащий газетные публикации местной интеллигенции, которые отражали их отношение к суду, а также содержали важные подробности его деятельности.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что в нем предпринята попытка комплексного и системного научного юридического анализа становления и развития судебной системы в Терской области, рассмотренной на примере деятельности Нальчикского горского словесного суда как части судебной системы Российской империи.

Теоретическая значимость и практическая значимость заключается в возможности применения его конкретных материалов и выводов при подготовки обобщающих работ по этнографии и истории народов Кавказа; в научном планировании исторических исследований в региональных и межрегиональных гуманитарных научно-исследовательских организациях и вузах Юга России; кроме того – при составлении справочников, учебников, учебных пособий и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На Северном Кавказе российская администрация вначале ввела окружные суды, которые лишь в 1871 г. были заменены на горские словесные. Для рассмотрения спорных ситуаций, имевших место в адыгских обществах, были созданы четыре суда: три в Кубанской обл. - Майкопский, Екатеринодарский и Баталпашинский горские словесные суды (Екатеринодарский суд рассматривал дела чемигуцев, бжедугов, шапсугов,

натухаевцев; Майкопский - кабардинцев, абадзехов, темиргоевцев, абазинов; Баталпашинский - кабардинцев, абазин, абадзехов, карачаевцев, бесленеевцев, ногойцев) и один словесный суд в Терской обл. - Нальчикский суд, рассматривавший дела кабардинцев и балкарцев;

2. Нальчикский горский словесный суд был открыт без участия присяжных заседателей, что было следствием двух факторов: 1) недавно окончившейся Кавказской войной, что потребовало особого порядка управления; 2) политикой российского правительства, не спешившего вводить суды присяжных в национальных окраинах страны, что было обусловлено стремлением более полно контролировать судебную власть;

3. Не законодательный, а инструкционный порядок являлся основным механизмом упорядочения правового быта горского населения в течение всего периода становления российской административной системы;

4. В процессуальной деятельности низовых судебных органов, учрежденных для местного населения допускалось применение норм обычного права и шариата, но сфера их действия была крайне ограничена, и наиболее значительные с точки зрения российского законодательства преступления находились в компетенции общесудебных установлений;

5. Учитывая множество недостатков, обнаружившихся в ходе деятельности горских словесных судов, вполне закономерным стало стремление представителей горской интеллигенции довести до кавказской администрации мысль о необходимости реформирования окружных судебных органов.

Апробация и реализация результатов исследования. Работа выполнена на кафедре отечественной истории и этнологии института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федерального научного центра» «Кабардино-Балкарского Научного Центра Российской Академии Наук».

Структура работы соответствует целям и задачам диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание исследования

Во **введении** выпускной научно-квалификационной работы (диссертации) указаны цели и задачи исследования, обоснована актуальность и новизна, обозначена методологическая база, теоретическая и практическая значимость работы, объект и предмет изучения, сформулированы выводы, выносимые на защиту, описана структура исследования.

Первая глава «Создание и принципы функционирования Нальчикского горского словесного суда» содержит два параграфа. Исходя из стратегических политических задач в регионе, российское правительство уже первые свои шаги в административном освоении края связало со сферой судопроизводства, которая ранее других сфер жизнедеятельности горских обществ подверглась стандартизации и унификации в соответствии с общероссийскими установлениями, оказавшись тем основным каналом, по которому проникновение государственно-административных методов управления в общественный быт горцев шло наиболее интенсивно. С одной стороны, это объяснялось тем, что наиболее очевидной для российской власти оказалась местная судебная практика, ввиду ее относительной автономности в системе традиционной общественной власти и функционирования в ясно выраженных институциональных формах посреднического суда. С другой стороны, свою роль при выборе приоритетных форм административного воздействия в новоприобретенной окраине сыграли особенности российской политической системы, в которой судебная власть тесно переплеталась с собственно административной.

Именно законодательному праву придавалось значение основного инструмента, должного обеспечить интеграцию населения Кавказа в административно-правовое поле империи.

После окончания Кавказской войны российские политические позиции в регионе утвердились окончательно, что дало возможность Петербургу вплотную заняться административно-территориальным устройством кавказской окраины с тем, чтобы сблизить ее в социально-экономическом и политико-правовом отношениях с остальной частью страны. Как и прежде, территориально-административные преобразования 60-х гг. XIX в. практически не затрагивали механизм судопроизводства в социальных структурах низового уровня, где продолжали функционировать посреднические суды, правда, со значительно урезанными полномочиями: под их юрисдикцию попадали только гражданские дела, а уголовное разбирательство было в основном переведено на общероссийскую законодательную базу. Просуществовавшее в таком виде до начала 70-х гг. XIX в. судопроизводство представляло собой «как бы последнюю, переходную ступень от прежнего судопроизводства, основанного на местно-национальных началах, к общерусскому...», не соответствуя все же «духу русского закона». Можно констатировать лишь стремление кавказской администрации к упорядочению деятельности медиаторских и народных судов путем введения в судопроизводство элементов формализации самой процедуры разбирательства с одновременной легализацией традиционных юридических систем при разрешении некоторых незначительных гражданско-правовых дел.

В то же время, стандартизация управления в различных областях региона в 60-х — 70-х гг. XIX в. требовала и соответствующих изменений в судебнопроцессуальной сфере. Упразднение военно-народных округов и введение гражданского управления в Кавказском наместничестве в начале 70-х гг. XIX

в. привело к тому, что горское население формально слилось в гражданско-правовом отношении с остальным населением края.

Введенные в России судебные уставы 20 ноября 1864 г. утверждали новые принципы судоустройства и судопроизводства, в соответствии с которыми предусматривалось создание двух систем судебных учреждений в виде окружного (с назначаемыми судьями) и мирового (с избираемыми судьями) суда. Система мировых судов соответствовала административно-территориальному делению: каждый уезд с входившим в него городом, или даже отдельный крупный город, составляли мировой округ, в свою очередь делившийся на несколько участков с участковыми и почетными мировыми судьями. Высшей мировой инстанцией являлся съезд мировых судей каждого мирового округа. Коронный суд также имел две инстанции: окружной суд и судебную палату. Окружные суды создавались для нескольких уездов, и их деятельность строилась на принципе бессловности. Именно при окружных судах начали свою работу суды с участием присяжных заседателей.

Реформа судебной системы положила начало дальнейшей последовательно направленной деятельности правительства на всемерную формализацию и бюрократизацию судопроизводства в Кавказском наместничестве, в основе изменений которого лежала идея унификации судебных установлений для гражданского, военного и горского населения края. В соответствии с ходатайством наместника вел. кн. Михаила Николаевича о скорейшем введении на Кавказе судебных уставов 1864 г. распространение новой системы судопроизводства, подразумевавшей введение институтов присяжных и адвокатуры, гласный характер судебного процесса, а также устранение из процедуры разбирательства по уголовным делам сословных представителей, началось в 1868 г. со Ставропольской губернии, а в конце 1869 года перешло в Кубанскую и Терскую области и Черноморский округ. Указом от 30 декабря 1869 г. эти административно-территориальные единицы причислялись к округу Тифлисской судебной палаты (причем

Черноморский округ подчинялся ведению Екатеринодарского окружного суда). В судебном отношении Терская область представляла один судебный округ, подведомственный учрежденному тогда же Владикавказскому окружному суду и делившийся на 13 судебно-следственных участков.

Между тем, проведение судебной реформы на Кавказе отличалось рядом существенных особенностей. Принцип разделения судебной и административной власти, заложенный в основу преобразований, здесь практически не исполнялся ввиду специфики системы административного управления местными народами, высшим звеном в которой являлся кавказский наместник, сосредоточивший в своем лице все функции исполнительной власти в регионе. Судебные функции исполнялись и окружными начальниками, председательствовавшими в окружных судах. Одним из серьезных изъятий стало также отсутствие суда присяжных заседателей. Не менее существенным отступлением от основной идеи реформы стало сохранение особых судебных учреждений для горского населения Кубанской и Терской областей. Реформа отразилась только на организационных формах их деятельности.

На основании п. п. 5, 11 указа от 30 декабря 1869 г. вводились «Временные правила для горских словесных судов», утвержденные наместником 18 декабря 1870 г. как «Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей» и распространявшиеся исключительно на горское население края. При этом «временность» действия нововведений подразумевалась «впредь до полного введения Судебных уставов 20 ноября 1864 г.» и ставилась в прямую зависимость от «успеха гражданственности» в крае. Новая система судопроизводства предусматривала сохранение народных судов для горцев и вводила принцип отделения судебных властей от военных и гражданских. Однако бытующие в горской среде традиционные юридические нормы предполагалось со временем привести в соответствие с российским законодательством, что поручалось личному усмотрению

наместника, а народные суды в конце концов должны были смениться словесными судами. Но пока, согласно «Временным правилам», в ведении народных судов, использовавших в своей практике нормы обычного права и шариата для урегулирования ряда гражданских и уголовных преступлений, оставались лишь отдельные дела, предусмотренные общероссийским «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных».

Создание горских словесных судов отвечало идее унификации организационной структуры судопроизводства в регионе. Теперь именно горские словесные суды, учреждаемые по одному в каждом округе и отделе, представляли для горского населения первую судебную инстанцию, являясь по существу судебно-административными учреждениями низшего уровня. Апелляцию на их решения можно было подавать непосредственно начальнику Терской области. Право окончательного разрешения дел, возникших в горских судах Терской и Кубанской областей, принадлежало наместнику как главнокомандующему через штаб Кавказского военного округа.

Положением о «Горском словесном суде» был узаконен принцип выборности рядовых членов суда, председательствовать же в суде назначалось начальнику округа, либо его помощнику, либо помощнику атамана отдела или участковому начальнику .

Подсудность этих учреждений определялась прежде всего принадлежностью спорящих сторон к горскому населению и родом самих дел. В случае, если одну из спорящих сторон представляли лица, не принадлежавшие к «горскому населению», разбирательство переносилось в общие судебные установления. Словесные суды были вправе рассматривать гражданские иски, не превышавшие 30 рублей и отнесенные к ведению мирового судьи, иски о наследстве, о невыполнении долговых обязательств (с суммой иска не выше 2000 рублей — в Терской и Кубанской областях, а в Нальчикском горском суде — до 4000 рублей), а также некоторые уголовные

преступления, предусмотренные Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: 1) о непредумышленном нанесении ран, увечья или смерти (несоответствие российского уголовного законодательства традиционной системе наказаний в случаях убийства, мотивированного кровной мстью, привело к изъятию из ведения окружного суда дел «кровомщения» и передаче их на рассмотрение в горские народные суды); 2) о нарушении пределов необходимой самообороны; 3) о кражах со взломом, если цена похищенного не превышает 300 рублей; 4) о похищении женщин. Подсудность гражданских исков определялась также местом жительства ответчика. В отношении уголовного разбирательства устанавливалось, что потерпевший не лишается права обращения в общие судебные установления, но лишь до начала рассмотрения дела в горском словесном суде.

В качестве наказания в горском словесном суде применялись как административные меры (тюремное заключение, либо высылка во внутренние российские губернии, с 1893 г. — и в Сибирь, при этом суд был правомочен лишь вынести решение о виновности, мера же наказания определялась вышестоящим начальством), так и традиционные, предусмотренные обычно-правовыми нормами (штраф или изгнание из общества, причем размер штрафа, а также срок и место высылки определялись судом). Однако виды наказания, налагаемого горским словесным судом, в разных областях Кавказа не были одинаковыми, и, например, в Терской и Кубанской областях не использовались изгнание из общества и административная высылка за пределы края. В целом приговор словесного суда считался окончательным, если им определялось денежное взыскание не выше 30 рублей с одного лица, арест не выше одного месяца, а штраф по адату не превышал 100 рублей. Окончательным решение по гражданским искам считалось, когда сумма иска не превышала 100 рублей.

Учреждение низовых судебных структур значительно облегчало работу окружных судов, куда поступало весьма незначительное количество дел, и

основная нагрузка приходилась на сельские суды, где поток «маловажных» дел рассматривался в ходе словесного разбирательства сельскими судьями.

Хотя положение «О горском словесном суде» во многом унифицировало процесс судопроизводства на низовых уровнях судебной системы, обращение к положениям обычного права при разбирательстве мелких дел гражданского характера и применение в самом судопроизводстве традиционных элементов (принесение очистительной присяги, соприсяжничество, непризнание свидетельских показаний женщин, примирение сторон, композиционные выплаты в качестве возмещения ущерба и пр.) практиковалось одновременно с переводом уголовного и гражданского судопроизводства на общероссийскую законодательную базу.

Впрочем, тенденция на приведение всех элементов системы судопроизводства в соответствие с общими законоположениями была явно обозначена еще до проведения реформы — уже в деятельности народных судов в беспрецедентных случаях применялись российские законы, что ограничивало сферу влияния на судебную процедуру обычного права, стремившегося любым прецедентам, случавшимся в общественной жизни, придать циклический характер, рассматривая их в виде частного случая традиционной нормы. Этот же принцип наследовал и горский словесный суд, который в разрешении уголовных дел определял «по совести — степень виновности обвиняемого, по обычаю — количество вознаграждения, следующего потерпевшему от преступления, и по закону — следующее виновному наказание». Даже после проведения на Кавказе в начале 70-х гг. XIX в. судебной реформы и учреждения горских словесных судов целый ряд пережиточных традиционных норм сохранился в судебной-процессуальной деятельности не только сельских словесных судов, но и в окружном словесном суде.

Вторая глава «Регулирование социально-экономических отношений» состоит из четырех параграфов. У народов Северо-западного Кавказа не

было четкого разделения правонарушений на гражданские и уголовные. В северокавказском обществе понятие преступление рассматривалось как причинение ущерба. Условно преступления можно разделить на имущественные преступления (воровство, грабеж, повреждение чужого имущества), преступления против личности (оскорбление, телесное повреждение и побои, убийство, изнасилование, прелюбодеяние и похищение), а также преступления против порядка управления. Далее рассмотрим данные виды преступлений, опираясь на архивные судебные материалы, в которых содержатся описания многочисленных конфликтов, происшедших в селениях во второй половине XIX - начале XX вв.

Горские словесные суды использовали нормы адата в случаях, связанных с наследством. По свидетельствам архивных данных, иногда сами потерпевшие просили словесный суд применить нормы адата, а не нормы шариата. В частности, это видно из одного дела о наследстве, рассмотренном горским судом. Потерпевший обратился в суд с просьбой при рассмотрении его дела учесть бытовавшую у горцев норму адата, согласно которой если между братьями наследство не было разделено, у старшего брата сохранялось право на распоряжение всем этим имуществом без согласия остальных членов семьи .

Применение норм шариата в горских судах порождало споры в связи с различным их толкованием. Приведем в пример некоторые сложные ситуации. Горские суды рассматривали только те дела о разводе, при которых один из супругов не давал согласие на развод. В случае согласия обеих сторон на развод, дело рассматривалось в сельском словесном суде с привлечением эфендия. Для того чтобы горский словесный суд мог произвести развод, женщине предстояло доказать "жестокое обращение" с нею мужа . Так, кадий Кубанского горского словесного суда по иску жены рассматривал дело о разводе. Женщина просила развода в связи с тем, что муж не имел средств на ее содержание. Пользуясь одним из сборников Фетв

(Фатава-Хани), кадий отказал в разводе. По его мнению, отсутствие средств у мужа на содержание жены не могло служить поводом к расторжению брака. Председатель Кубанского горского словесного суда решил провести дополнительную консультацию по этому вопросу и обратился в Закавказское духовное суннитское правление. Оттуда пришло следующее разъяснение: по нормам шариата расторжение брака по иску жены производится только в том случае, если у мужа отсутствуют средства на содержание жены. В результате дело было пересмотрено и горский суд принял решение о разводе супругов. Процедура развода в суде проходила следующим образом: кадий или его помощник читал на арабском языке бракоразводную молитву, после чего оба супруга ее повторяли. В начале XX века на богатых и плодородных землях Северного Кавказа почти не было помещичьего землевладения. Специфично, что в горских округах продолжали бытовать пережитки патриархально-родового строя, замедлявшие развитие производительных сил. От малоземелья страдало горское крестьянство. Что касалось иногородних, то они были абсолютно безземельными .

Одной из главных задач, стоявших перед российским правительством на Северо-Западном Кавказе, стало решение земельного вопроса. Несмотря на колоссальные различия в характере землевладения в центральных районах России и у горских народов Кавказа, идея социальных преобразований в той или иной форме как в России, так и здесь не могла быть реализована без законодательного решения земельного вопроса. Взаимосвязь сословно-поземельных отношений была настолько тесной и явной, что «русскому правительству, - подчеркивал М.М. Ковалевский, - пришлось считаться с сословной организацией горских народов при устройстве поземельного быта» .

После завершения Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе, введения военно-народного управления у горских народов, решения проблемы замирения края перед кавказской администрацией возникли

другие, гораздо более сложные вопросы организации мирной жизни и интеграции разоренных войной обществ в общеимперское пространство. Отказываясь от военного противостояния с Россией, княжеско-дворянские сословия, владельцы зависимых крестьян и холопов, старшины аулов требовали реальной, на основе российских законов, легитимизации своего статуса и инкорпорации в социальную среду российского общества. Отсюда неиссякаемый поток прошений с требованием закрепить за просителем тот или иной участок земли в потомственную и неотчуждаемую собственность. В этих условиях коронная власть считала необходимым перераспределить земельные владения, прикрепить население к земле, сделать его менее подвижным и экономически более состоятельным. Такими шагами правительство надеялось подкупить горскую элиту, вместе с этим завоевать симпатии горских крестьян, поддерживая их стремление к улучшению своего положения и к освобождению от крепостной зависимости .

Однако, считая нежелательным наступление на феодальные права местной горской элиты, особенно тех, кто заслужил особое доверие России в отношении узаконения прав местного населения на занятые им земли, правительство ограничивалось лишь временными распоряжениями, которые затем упразднялись не раз. Между тем свое хозяйственное неустройство на неопределенное положение в землевладении и землепользовании акцентировали внимание высшей власти на Кавказе практически все сословия и общества.

Переселения целых аулов, которые практиковали российские власти, вынужденная и естественная миграция, появление в среде горцев значительного числа офицеров, выходцев из крестьянского сословия, требующих «земельного довольствия», разрушали традиционную систему землевладения и землепользования. Поземельные споры и тяжбы между появившимися казачьими станицами и владельцами аулов, между обществами, аулами, сельскими общинами и владельцами, князьями и

урками свидетельствовали, что земельный вопрос откладывать было нельзя. Сложность и острота земельного вопроса, вполне осмысленная российскими властями, стала императивом деятельности кавказской администрации.

Наместник Кавказа А.И. Барятинский подчеркивал, что «с окончанием войны на Кавказе при наступившей возможности отдаться земледельческому труду и при последовавшем затем развитии отраслей сельского хозяйства для каждого горца стало главным жизненным интересом определить свои права на владение и пользование сельскими угодьями» .

Нужна была конкретная программа деятельности, демонстрирующая желание правительства идти навстречу жизненным интересам горцев. Постепенно, путем проб и ошибок кавказской администрации, основные принципы аграрных преобразований были выработаны, правда, без учета мнения горцев. В первую очередь необходимо было определиться с земельным наделом для всех горских сословий. Руководством к действию в решении и этого вопроса стал рапорт графа Н.И. Евдокимова от 17 июня 1861 г. Сторонник жестких административных решений, считающий, что аграрные преобразования необходимо проводить «силой власти, сейчас же, пусть даже произволом», он предложил юридически закрепить земли за оставшимися после ухода в Турцию жителями . Это закрепление должно было состояться на основе существующего российского гражданского законодательства, но с учетом некоторых местных сословных особенностей.

Проект Н.И. Евдокимова предусматривал разделение населения приставств на три категории, в зависимости от которых население должно было получить наделы, т.е. это была жесткая схема распределения земли, не учитывавшая сложившийся характер землепользования и землевладения у народов региона. Тем не менее, несмотря на его минусы, проект Н.И. Евдокимова был серьезным шагом в направлении создания новых, юридически правомочных земельных отношений в регионе и решении проблемы инкорпорации горских народов в территориальное «поле» России.

Поэтому этот документ практически сразу, без необходимой экспертизы и проработки, был одобрен и взят за основу при решении аграрного вопроса на Северо-Западном Кавказе.

Полный вариант концепции земельной реформы в Северо-Кавказском регионе сформулировал и. о. главнокомандующего Кавказской армией Г.Д. Орбелиани. Обосновывая важность предстоящих преобразований, он отмечал, что разрушение устоявшегося порядка землепользования в ходе военных действий, невозможность «устроить материальный быт горцев» служили одной из причин их враждебности к России, легкости, с которой они уходили к Шамилю, за Кубань, в Турцию.... Подчеркнув импульсивность, хаотичность, непоследовательность всех предшествующих мероприятий военной администрации на Кавказе в земельном вопросе, Г.Д. Орбелиани предложил военному министру установить общинную систему землепользования для крестьян, способную защитить их от разорения и обнищания, а из горской элиты создать слой крупных землевладельцев, наделив их участками земли на правах частной собственности. Главным моментом в обоих случаях должно быть наделение горцев постоянными землями. Это будет, как он полагал, «самой действительной мерой для предупреждения новых восстаний».

Формирование класса собственников в условиях военного противостояния – это скорее социально-политическая проблема. Политический аспект определялся надеждами на будущую комплиментарность этой группы действиям правительства, а значит, и на поддержку мероприятий России, проводимых в регионе; социальный аспект – правом создавать новую элиту. По мнению Г.Д. Орбелиани, в нее должны войти не только представители аристократического сословия, которые в связи с предстоящей реформой «теряют свои феодальные права», но и выходцы из среды народов, имеющих «демократическое» устройство, «заслужившие полезной службой и преданностью особое внимание правительства. Эти лица, значительно

обеспеченные против других в материальном отношении, в случае какого-либо брожения умов в народе, будут первыми деятелями в нашу пользу». В третью группу должны войти представители простых свободных сословий из аристократических обществ, которые «своим усердием и преданностью принесли нам огромную пользу и в службе достигли тех чинов и наград, которые по законам империи дают права дворянства; эти лица полезно было бы также отличить назначением им в собственность поземельных участков с целью поселить в народе убеждение, что верная служба в глазах правительства стоит не ниже прав рождения».

Таким образом, во всех горских обществах появится собственник земли, который станет реальной социальной и военной опорой правительства на местах. Проект Г.Д. Орбелиани в Петербурге был принят в общих чертах, но быстрого решения земельного вопроса за счет передачи части полномочий верховной власти Кавказской администрации не произошло, что затруднило и растянуло по времени порядок и процесс юридического закрепления земли собственниками и аулами. Затем в сентябре 1861 г. прибывший в ставку Верхнеабдзехского отряда император Александр II принял депутацию от шапсугов, абдзехов и убыхов. Он объяснил депутатам, что прибыл сюда как друг, а не враг, желает сохранения народов, предлагал им не бросать родных мест, а жить с русскими в мире и дружбе. При этом он предложил дать согласие на прокладку через свои земли трех дорог к Черному морю: к Анапе, Новороссийску и Туапсе. Александр II обещал, что все издержки переселенцам возместит казна. Предложение императора не нашло у депутации поддержки. В поданном прошении они попросили не прокладывать дороги в горах, не строить крепости и не заселять станицы, что «сохранило бы статус-кво, неприемлемое для царского правительства».

В завершении встречи Александр II предложил в месячный срок решить вопрос о переселении горцев на Кубань, где они получают землю в вечное

владение и сохраняют свое народное устройство и суд. В противном случае пусть переселяются в Турцию.

Третья глава «Нальчикский горский словесный суд в оценках современников» состоит из двух параграфов. В небольшом очерке К.Л. Хетагурова «Горский словесный суд» поднимается проблема, ставшая весьма актуальной для Северного Кавказа на рубеже XIX-XX вв. Очерк был опубликован в № 60 газеты «Северный Кавказ» 22 мая 1901 г. и отражал одну из точек зрения, существовавших в обществе по поводу необходимости реформирования низовых судебных учреждений, созданных для горского населения Кубанской и Терской областей в начале 70-х гг. XIX в. Признавая в целом саму идею создания горских словесных судов, публицист, поэт К.Л. Хетагуров сомневался в реальной эффективности этих учреждений, обнаруживших в действительности свою полную несостоятельность, и настаивал на их упразднении с одновременным предоставлением горским народам Кавказа права судиться на общих для всего населения Российской империи основаниях, вплоть до введения суда присяжных. «Всякий народ, входящий в состав империи с несомненно верноподданническим чувством, — утверждает К.Л. Хетагуров, — достоин пользоваться судом общегосударственным, судом «правым, скорым и милостивым», тем судом, которого на Кавказе ждут с томительным нетерпением. Пора, давно пора вырвать туземцев Кавказа из когтей отжившего свой век «Горского словесного суда».

Иная позиция была незамедлительно высказана оппонентом К.Л. Хетагурова в «Терских ведомостях», где за подписью «Ш.» была опубликована небольшая заметка откровенно проправительственного характера с таким же, как и очерк К.Л. Хетагурова, названием. Автор заметки, в свою очередь, сомневался в пригодности суда присяжных для горцев, поскольку, по его словам, необходимо, чтобы учреждение было не только «само по себе хорошо», но чтобы оно еще и «находилось в согласии с духом и привычками

народа». Основной идеей оппонента К.Л. Хетагурова была необходимость согласия с обычным правом, что только и сделает существующее судопроизводство эффективным. «Мы видим, что население Кавказа быстро ассимилируется с русскими, воспринимает их язык, заводит школы, обращается к мирному труду, так не объясняется ли это тем, что русские в завоеванных областях всегда воздерживались от ломки туземных обычаев, относясь с уважением к их понятиям и привычкам?» — задается риторическим вопросом автор публикации.

В работах К.Л. Хетагурова «Общественный приговор», «Накануне», «Неурядицы Северного Кавказа» и др. тема горских судов была одной из основных, к которой он неоднократно обращался в своих произведениях. С одной стороны, он симпатизировал идее организации горских словесных судов на обычно-правовых началах, поскольку она «соответствовала строю горской жизни», но с другой — призывал общественность к тому, чтобы горцы рассматривались как равноправные граждане единого государства, к которым оно обязано относиться с должным уважением. Сохранение для «туземцев» обособленных, упрощенных форм организации судопроизводства, якобы под предлогом «воздержания от ломки туземных обычаев», более соответствующего местным условиям, на самом деле давало широкий простор для злоупотреблений, многочисленных нарушений законности и правопорядка, и не только подрывало веру людей в справедливость власти, но и ставило их в унижительное по сравнению с остальным населением края положение, ущемляя тем самым в законных правах граждан единого отечества.

Также свое мнение о горских словесных судах выражал в своих трудах известный публицист и просветитель М.К. Абаев. В частности он говорил «суды эти надо оставить, устранить недостатки их, а именно: надо улучшить материальное положение депутатов и кадия суда, чтобы лучшие и развитые люди из горцев шли на эти должности, надо улучшить также положение

председательствующего и назначать на эту должность соответствующих людей и, кроме того, необходимо создать областные коллегиальные апелляционно-кассационные суды, которые периодически открывали бы свои заседания».

В **заключении** работы подводятся итоги исследования и приводятся выводы и обобщения к ней.

Основные выводы и результаты исследования

В ходе исследования мы сделали ряд выводов:

1. Политико-юридическая практика властей, проводившаяся среди горцев Кубанской и Терской областей, позволяет говорить о том, что они отказались от чрезвычайных мер в регулировании правовой сферы северокавказского общества и в условиях завершившейся Кавказской войны и эпохи Великих реформ в России приступили к реформам, однотипным и близким по содержанию с проводимыми во внутренних губерниях. Даже с учётом того, что российские законы в тот период здесь применялись в адаптированном виде, «с изъятиями», они формировали новое правовое пространство горцев и по своему содержанию были направлены на ликвидацию патриархальных правовых норм, являвшимся препятствием в проведении имперской интеграционной политики на кавказской окраине.

2. К концу XIX — началу XX вв. в Терской области функционировала достаточно громоздкая судебно-административная система, в которую помимо окружного входили мировые, горские, слободские, станичные, почетные и сельские суды с различающимися пределами ведомств, причем каждое из этих учреждений руководствовалось в своей деятельности особыми инструкциями, вырабатываемыми областным и окружным начальством. Именно такой порядок — не законодательный, а инструкционный — являлся основным механизмом упорядочения правового

быта горского населения в течение всего периода становления российской административной системы

3. Сохранение адатского и шариатского права было проявлением государственной протекции. Шариат сохранял исключительную юрисдикцию лишь по некоторым вопросам и совместную по другим. В брачно-семейных, наследственных отношениях и по религиозным преступлениям применялось шариатское право.

4. Столь пестрая организация судебной сферы на Кавказе делала сомнительными конечные результаты проведенной судебной реформы, основная цель которой сводилась именно к унификации местного судопроизводства как в организационном, так и в правовом отношении. Несмотря на то, что в процессуальной деятельности низовых судебных органов, учрежденных для местного населения, и допускалось применение норм обычного права и шариата, сфера их действия была крайне ограничена, и наиболее значительные с точки зрения российского законодательства преступления находились в компетенции общесудебных установлений. Однако особенности традиционного правосознания, не различавшего гражданские и уголовные правонарушения, практически сводили на нет «попытку привить к горским и народным судам начала русского судопроизводства».

Учитывая множество недостатков, обнаружившихся в ходе деятельности горских словесных судов, вполне закономерным стало стремление представителей горской интеллигенции довести до кавказской администрации мысль о необходимости реформирования окружных судебных органов. Осетинский публицист К.Л. Хетагуров, признавая определённую целесообразность горских словесных судов, сомневался в реальной эффективности этих учреждений, обнаруживших в действительности свою полную несостоятельность, и настаивал на их упразднении с одновременным предоставлением горским народам Кавказа

права судиться на общих для всего населения Российской империи основаниях, вплоть до введения суда присяжных.